





Игорь Булатовский

СТИХИ НА ВРЕМЯ

МОСКВА  
2009

## Поэтическая серия «Русского Гулливера»

Руководитель проекта *Вадим Месяц*

Главный редактор серии *Андрей Тавров*

Оформление серии *Валерий Земских,*  
*Маргарита Каганова*

### **Игорь Булатовский**

Стихи на время. Книга стихотворений / Серия «Русский Гулливер». —  
М.: Центр современной литературы, 2009. — 96 с.

ISBN 978-5-91627-020-4

© И. Булатовский, 2009

© О. Юрьев, предисловие, 2009

© Русский Гулливер, 2009

© Центр современной литературы, 2009

## *об авторе*

*Игорь Булатовский (1971) — поэт, переводчик. Книги стихов: «Полуостров» (2003), «Карантин» (2006). Переводы с французского, идиша, немецкого и польского. Лауреат премии Губерта Бурды для молодых поэтов Восточной Европы (2005). Живет в Петербурге.*



...Голос кажется тихим и прерывистым, смахивающим на медленную задумчивую скороговорку, я бы сказал, на гармоническое бормотание, если бы по случайности давней моды все на свете не именовалось (одобрительно) бормотанием. Но стоит ли дальше об этом? Не лучше ли дать этому голосу дозреть, достичь полной определенности своего инструментария, самому разобраться со своей терминологией. Многие стихи «Полуострова» и почти все, написанные после него, позволяют говорить о сосредоточенном и осмысленном движении в эту сторону — к себе, к полной свободе дыхания.

7

Так я — пять лет назад — писал («Октябрь», 6, 2004) о книге Игоря Булатовского «Полуостров» (СПб., 2003) и мог бы повторить все это и сейчас — с одним-единственным добавлением: да, за прошедшие несколько лет этот голос «дозрел» и «достиг полной определенности своего инструментария». Да, движение «к себе, к полной свободе дыхания», собственно, совершено. Что не означает: закончено. Это лишь означает, что теперь оно *совершенно собственно*, это движение, и мы предполагать даже не можем, в какую оно теперь направлено сторону, в каких еще областях мы окажемся, следуя за поэтом.

Потому что — скажем это сразу и прямо — на наших глазах случилось событие редкое и каждого связанного с русской поэзией человека волнующее: один из (как обычно, многих) подающих большие надежды стихотворцев все поданные им надежды с лихвой оправдал и все выданные ему авансы с лихвой возвратил — и действительно стал большим поэтом.

Объективная, историческая сложность такого становления для родившихся в конце 60-х и в начале 70-х гг. прошлого века не имеет, пожалуй, аналогий в истории русской поэзии

(если мы выведем за скобки — или, скорее, введем в скобки, вот в эти, — десятилетия безраздельного владычества «лирического мы» — примерно с середины 30-х по середину 50-х гг.).

Умным, умытым детям, выросшим в полузастывшем теплом и темном стекле поздних советских годов, где почти понарошку запретное и не слишком легко-, но и не слишком труднодоступное вино великих стихов кружило головы наравне с керосинным алкоголем «азербайджанских портвейнов» и «молдавских вермутов», очень не повезло с их сверхъестественно цепкой памятью на стихи.

Цепкая память — вещь для поэта вообще нужная, но небезопасная. А особенно во времена, когда «похоже на» буквально терроризировало литературные кружки пионеров и школьников, не говоря уже о вузовских литобъединениях. Похоже на... — на Бродского, конечно, на Бродского, на кого же еще! Все было похоже на Бродского. А не на Бродского, так на Мандельштама. Или Соснору. Или Юрия Кузнецова, на худой конец. Уж на кого-нибудь обязательно! И действительно, на кого-нибудь (или на что-нибудь), чаще всего, было похоже. А требовалось, чтобы не. Чтобы было похоже «на себя». Но кто этот «ты», на которого должно быть похоже, конечно же, не объяснялось. «Ты» — и всё тут. В результате чаще всего оказывалось вообще ни на что не похоже — или на всё сразу. Снова своего рода «лирическое мы» позднесоветского рифмования в столбик.

В начале девяностых годов в стихотворство пришли хорошие дети, в чьих умных, причесанных головах безостановочно и неостановимо жужжали чужие великие строчки. Поделаться с этим было нечего, потому что никогда еще в русской поэзии не было такого многочисленного и географически так широко разбросанного поколения начинающих поэтов, так хорошо знакомого с великими стихами предшествующих десятилетий и, главное, такого беззащитного перед ними. В случае стихов *память* всегда означает *любовь*. Что можно поделаться со своею любовью? У них не было никакой возможности взбунтоваться, даже просто взбрыкнуть, потому что с колыбели, с колыбельной они были «на одной стороне баррикад» с Гумилевым, с Мандельштамом, с Бродским... — «против тех». Вино этих стихов было их кровью.

Но что-то, видимо, надо было сделать, чтобы спасти целое поколение от ощущения своей второсортности. Кое-кому пришлось срочно выдумать (что без дураков и без шуток было благодеянием и мудрым поступком со стороны этого кое-кого) «цитатность», «центонность», «интертекстуальность» и как там еще называется непародийно используемое звучание «несвоей поэтической речи» — т. е. объявить «похоже на» признаком индивидуальности, современности и актуальности. Большое облегчение, освобождение даже, для целого поколения (да и для пары предыдущих, к слову говоря), и — что самое удивительное! — из огромного слоя тогдашних молодых стихотворцев постепенно вышелушилось несколько значительных поэтов, успешно оперирующих «чужим звуком» как инструментом своего текста. Но Игорь Булатовский, насколько я знаю, единственный из своего поколения, кто, не отказавшись от (невероятной даже на общем его фоне) памяти на чужие стихи, не попытавшись забыть «все эти слова» или забить шумами все это жужжащее в голове, сумел совладать со своей памятью, т. е. со своей любовью «классическим», так сказать, способом — т. е. способом, нам неизвестным. Одним из тех способов, каким поэтам прошлого всегда приходилось обходиться с «чужим звуком» — подчинять его себе, наклонять его своим дыханием. Тут уж каждый рождается в одиночку. И вот поэт уже больше не *помнит*, а *знает*, не цитирует, а зовет и отзывается, и его собственный голос, его собственное дыхание живут глубже, звучат глубже, чем привлеченное чужое слово. И все подчинено этому дыханию, этому звуку, этому миру — которого никогда не существовало на свете до него, до Игоря Булатовского, в данном случае.

А это, в свою очередь, и означает, что Булатовский, пожалуй, единственный из своего поколения, стал большим поэтом «по классической системе», в классическом смысле слова — как становились большими поэтами Тютчев и Блок, Мандельштам и Вагинов, Аронзон и Елена Шварц — создав каждый свой отдельный поэтический мир и свой отдельный поэтический язык (не обязательно один-единственный за свою жизнь). Что в свою очередь не самоцель, а некоторая форма человеческого существования в качестве поэта. Целью и результатом являются стихи, расширяющие пространство

и удлиняющие время. И такие стихи появляются у Игоря Булатовского с завидной регулярностью.

Все сказанное было более или менее очевидно уже по предыдущей книге Булатовского («Карантин», М.-Тверь, 2006), а лежащие перед вами «Стихи на время» — даже не новое доказательство этого не требующего доказательств факта. Эта книга, своего рода отрывной и безотрывный календарь оборотных месяцев без году и без недели — жестяная, серебряная и поющая часовая карусель, закон своего особого времени, расписание собственной маленькой и безграничной вселенной. Ожидать ли нам следующим шагом ее подробной карты? — как знать, теперь всё в воле поэта, и только эта воля — закон.

Потому что свобода для него — уже не право, а обязанность.

*Олег Юрьев*  
*май 2009*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ  
СТИХИ НА ВРЕМЯ  
(2008)



## ЯНВАРЬ

1.

*Предполагаем жи...*  
Когда бы не грамматика,  
могли бы просто *жы...*  
по правилам «Примат и К».

И не было бы *сча...*  
не потому, что нет его,  
а потому, что *щя...*  
достаточного для этого.

И не было бы *бы-*  
*тия* (-тию, -тие, -тиё),  
и не было б судьбы  
не потому, что нет её.

2.

Ни дня тебе, ни по крошке  
от этих блокадных щедрот!  
Протягивай по ветру ножки,  
подтягивай к сердцу живот.

Будь сказано не в обиду:  
от этого только беда,  
такая пустяшная с виду,  
что может хватить навсегда.

## ФЕВРАЛЬ

1.

Нас тут много таких на полу,  
в синем и красном углу.

Нас тут много еще таких,  
много таких-сяких.

Так мы лежим и сяк.  
Получше живых собак,

похуже мертвых львов.  
Нет у нас в пасти слов.

Мы глядим в потолок,  
видим ветку, цветок

и считаем внутри:  
один, два, три...

15

2.

Это вкривь и это вкось,  
ничего не обошлось:  
врозь и вместе, вместе, врозь.

Это в кровь и это в кость,  
это новость, вроде, гость,  
враз и вместо, в полость, в ость.

Это в гриву, это в хвост,  
это всё навырост, в рост.  
Это до звезды. До звезд.

## МАРТ

1.

*В. К.*

Так женственны (-анна и -енна)  
земных окончаний слова.  
Пусть *слабая память блаженна* —  
блаженная память слаба.

2.

И где напасешься на эту траву  
овец, засыпающих стоя  
то в черном, то в белом хлеву наяву  
и блеющих что-то простое?

Пусть эти овечьи невечные сны,  
как здешняя травка, неярки,  
но в них (кто их знает?) слышны — не слышны  
ворчанья небесной овчарки.

3.

*Л. В.*

Как в залитых зенках алкоголика,  
двоится, троится всё...  
Неужели не найдется нолика —  
приписать в расход на то, на сё:

на какую-нить водичку сольную,  
каких-нить волнушек хор,  
на такую нитку, чтоб не бóльную,  
если недобор и перебор?

Где ее ссучили, где навóщили,  
тебе ли не знать о том...  
Ну, не все равно ли «в óщип», «вó щи» ли,  
если наливают «суп с котом».

19

## АПРЕЛЬ

1.

С большими говорить  
на маленьком языке —  
что-то вертеть-крутить  
за спиной в кулачке,

что-то крутить-вертеть,  
будто знаешь сам,  
будто успел подсмотреть,  
что там.

2.

*Оставь-на... всяк*, оставь навсяк  
и ЭТОТ звук, и ЭТОТ звяк,

и ЭТОТ *бим*, и ЭТОТ *бом*,  
чтоб не припомнили потом,

и ЭТОТ листик, *Lizst* и *Lust*,  
чтоб чист и прост был костный хруст,

и — что там? — плач и скрежет зу...  
и наверху, и навнизу,

и ЭТУ тень, и *тень-тень-тень*,  
чтоб дребедела дребедень,

оставь пустяк, оставь, пусть так,  
все это так, и все не так.

21

## МАЙ

1.

Где найдешь,  
там и потеряешь  
(с гулькин нож,  
это ножевая ж).

Неглубок  
ранки поперечник:  
голубок  
поглядел в скворечник.

22

А внутрих —  
горсточка помета,  
перья, прах  
и еще чего-то.

2.

Сопротивленье этого  
матерьяла,  
петого-перепетого  
от велика до мала,

в том, что с родного голоса  
слышно еще ля-ля,  
а выше — всё тоньше волоса:  
от малого до нуля.

3.

Однозвучной жизни шум,  
ту-ру-рум, бу-рум.

Это вот она поет  
(или не поет).

Ни о чем-то, ни о чем  
и о чем-то ни о чем.

Как и ты — одно из двух —  
про себя и вслух.

## ИЮНЬ

1.

За ушкó да  
на солнышко,  
хоть и *škoda*,  
что сон еще.

Хоть и школа,  
и схолии  
(роль глагола  
в истории).

А история  
старая,  
только то и  
осталось ей,

что у всех  
переспрашивать:  
это ваше ведь,  
ваше ведь?

25

2.

*...comme un sansonnet*

Nerval

*Да видно ж нельзя* пока  
на клюв наколоть жучка

и спеть жучку «алеманд»  
и — что еще? — «полукуррант».

Под лапками там и тут  
лишь *черные точки* ползут.

А этим, как ни свисти,  
выходит «бог-пронеси».

3.

Эти чешуйки одна за другой  
прилепятся, хоть и не сразу,  
и станешь ты в них «королевич-Бовой»,  
возьмешь копьцо и поскачешь травой  
в глаза поглядеть Китоврасу.

4.

В доли не додали,  
вдоль и не до дали  
где-то поперек  
(видишь — огонек).

Этой целой доли  
хватит ли на «до» ли,  
если не дольют  
(*sol, fa, mi, re, ut*)?

Хватит, у тебя ведь  
синенькая память  
мозга поперек  
(видишь — огонек).

28

Нам ли быть в печалях  
на семи морях?  
Грудь в долях и далях,  
сердце в якорях.

5.

Ф.

Кровь идет, а день стоит,  
и в близорукие пропилены  
глазок на нее глядит  
и видит, видит что есть силы,  
что силы есть, да нету рук,  
близко, да не остановит,  
и лишь сердечник звук «тук-тук»  
всё ловит, ловит, ловит, ловит.

29

## ИЮЛЬ

1.

*О. Ю.*

Что там ласточки всё развешивают?  
Как что? Всё обратно по местам.  
Каждый вечер сдают они вещи в уют.  
Что ли нам сдавать их? Не нам.

У этих крылышки укорочены  
и хвостик не так остер,  
чтобы не было ни зачины,  
а то сморгнешь и — в костер.

У них до темени нету времени  
(к тополям идут тополя),  
ведь выше темени нету времени,  
лишь голимые «пузеля».

2. («Couplet des enfants»)

На подпорочках, как помидорки,  
с кусточка — по два/две, по три,  
немилые братики-сестёрки,  
фанфаны де ля патри.

А лён ваш так светел, так светел,  
волна, завиток и волна...  
Несильно немил, ведь над бесиком — петел.  
Успеет еще дотемна.

3.

На всякую память —  
на вязкую камедь  
наклеены звездочки те.  
Легка жечь, мягка медь,  
легка жисть, покамест  
деревья видны в темноте.

На всякую память —  
на вязкую камедь  
наклеены звездочки ведь?  
Легка же местами,  
покамест над нами  
ломается эта комедь?

## АВГУСТ

1.

*Д.*

Опять бросаешь ветер на слова,  
и сохнет свет на капле покрывала,  
талатта выгибается едва  
и преломляет впившееся жало,  
и вот готовы «парус» и «волна»,  
и пару слов уже размалевало,  
и распускает (верная ж она),  
все то, что в просторечии соткала.

33

2.

Слов словесных,  
всем известных,  
известных и глиняных,  
глинобитных, битых, местных,  
менянных и выменянных  
на ходу, в ходу, в походе,  
на шестнадцати ветрах,  
на роду, в роду и в роде,  
вроде — пепел,  
скажешь — прах.

3.

*И от гибели не бойся,  
и до спасения не жди,  
раздрайся, растроись, расстройся,  
шестью руками разведи —  
— большой костер себе с другими,  
все наше близко, доставай,  
и жар чужой, чужой — своими  
шестью руками загребай!*

4.

Выключи свет за веревочку  
и посиди в темноте,  
к сердцу привыкни обновочку,  
к тихому тикю «те-те!».

Что-то тебе велика она,  
что-то не жметя в боку...  
Тихо, тетеря охранная,  
нет никого на току.

## СЕНТЯБРЬ

1.

Ни жив, ни мертв кот Шрёдингера:  
для всех котов темнота сера,  
а для него темнота бела  
до «ничего», до «былым не была»,  
она пред ним, она при нём  
и ледяным пахнет миндалём,  
пока к нему (типа: как дела?)  
не глянет во тьму демон Максвелла.

2.

Хоть говорящему еще,  
уже не скажущему уже,  
как этот ветер-вещмешок —  
волынкой, сдавленной потуже.

Волынящему на пайке  
припоя безнадежной пайки,  
прибой не слыша вдалеке,  
вблизи не различая чайки.

3.

*О. М.*

Кто бы говорил,  
а кто бы слушал,  
кто бы — Гавриил,  
кому бы в уши.

В голове кита  
кричал Иона,  
а теперь проста  
песенка иона.

4.

летасты мои летасты  
черным по белому нечасты  
белым по черному редки  
веточки весточки детки  
на сером дворе на сером  
ветру в голове заселом  
ветру в головах стоящем  
чаще чем вы почаше  
над самой травой над самой  
травой всегда той же самой  
где я и другие лица  
лишь ваши падшие листья

5.

В каком-то прямом наклоненьи  
(в каком выпрямленьи косом?)  
все падает вдруг на колени  
перед низеньким ветром-косцом.

Идет он от самого края  
(все знают его нижину),  
траве под коленца пуская  
холодненькую струну.

И каждую нянчит он дважды  
за тактом, затактом, за так:  
*забуди только слово каждый,*  
*забуди только слово шаг.*

## ОКТЯБРЬ

1.

Нежная корпия эта  
старая,  
старые тряпочки света  
мáраны.

Створки хлопочут, как скворки,  
душно тут,  
тихо внизу поговорки  
слушают.

42

Всё шито-крыто, а у-  
зелок-то тут,  
и от «ya» до «ay»  
мелок ведут.

Все чудеса в решете,  
вот беда,  
дырок полно, а лететь  
некуда.

Красные ветки размыкать  
вниз летел,  
все люди как «люди», а мы как  
«мыслете».

2.

Рядом, рядом, в тесноте  
ряда, девочка-обида  
наряжает буквы те  
в платья бедные — для вида.

И стоят они рядком  
в бедных платьях *подневечных*  
маленьким обиняком  
обвинений бесконечных.

3.

Тряпканы сыроватые,  
серой ватой напхатые,

слов и пищи властители,  
тряпканы-укротители.

Пятна теплые, страшные,  
ваши, ваши мы, ваши мы.

Ну а вы-то, набитые,  
чьи-то вы, чьи-то, чьи-то вы?

Ваши голые горлышки,  
ваши головы-овоци —

кто обнимет, потешит их,  
кто за ухом почешет их?

Только пёсенка многая,  
только четвероногая,

только пёсенка страшная,  
наша пёсенка старшая.

## НОЯБРЬ

1.

*М. Г.*

*Под сплошным серым небом,  
на словах, на бобах,  
с черно-белым хлебом  
в рукавах,  
зажимая в кулачке бобы  
невысокой звуковой судьбы  
(невесть-окой вестовой гудьбы).*

Что там гудит, что судит  
по слогам, по складам,  
что нудит и нудит  
пополам —  
не узнал бы, если б да кабы  
не нашел волшебные бобы.

45

2.

Вот она стоит,  
рядом никого,  
дурочка на вид,  
то-то и всего.

Хочет на просвет  
ветки сосчитать,  
поглядит в «ответ»  
и начнет опять,

чтобы не сошлось,  
чтобы не сочло  
эту кривь и кось  
ровное число.

3.

*В. Д.*

Ничего за этим «ду»,  
кроме теплого «ду-ду»,  
ничего за этим «ша»,  
кроме темного «ша-ша».

Между этим вот «ду-ду»  
и вот этим вот «ша-ша»,  
спотыкайся на ходу  
и дыши, едва дыша.

4. (Carmina)

*Пора, мой друг, пора*

П.

*Завелась кошениль*

П.

Парáрам вдруг парáм,  
не снам, не духам,  
скорее — комарам,  
скорее — мухам,  
не жару, а жаре,  
не пылу — пыли,  
скорее — мошкаре,  
чем кошенили.

## ДЕКАБРЬ

1.

*Б. Р.*

Мартобрядские песни трубач  
завернул в черно-белый кумач,  
и засунул под мышку трубу,  
и сказал: «Не бобу́, не бобу.  
Ни о чем не бобу, никому,  
ни бельмеса, бемоля, му-му,  
ни за что не бобу, ни про что,  
ни черта, ни черты. Решето.  
Было больше, а стало — еще,  
и не щеточка там, а трещо-  
тка трещит, задевая губу  
аквилона, а я не бобу».

49

2.

*В. Ш.*

Тут тебе камушек,  
тут тебе и два,  
гладит по макушке  
камушки трава.

И сидит на камушке  
Только-И-Всего,  
гладит по макушке  
ветерок Его.

Перед Ним водица  
мелкая течет,  
в той водице водится  
чет и нечет.

Мостик деревянный  
над водой стоит,  
досками дырявыми  
скрипя скрипит.

И ни в эту, и ни в ту  
сторону себя  
время ходит по мосту,  
досками скрипя.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ  
МАЛЕНЬКИЙ САДИК  
(2009)

*Жили у себя в аду*  
А. Т.

## БОЛЕЗНЬ И СМЕРТЬ КУКЛЫ

На́ две четверти, на две четверти,  
ну а где же другие две?  
Снежным шариком белый свет верти,  
не завертится в голове,  
в голове кудрявой, фарфоровой  
(только пальчики ставь точней)  
ни оркестра лай и ни хора вой  
(только спинку держи ровней),  
а не то еще заиграешься  
и упрешься румяным лбом  
прямо в клавиши и узнаешь всё,  
прямо в «Детский альбом», бом-бом.

## МАЛЕНЬКИЙ САДИК

Кустики-уродики,  
как пучки проводки  
в саду-огородке,  
в кривой загородке.

Тронешь и — цветочки  
синего количества,  
точки-коготочки  
электричества.

Льется пот из пор у них  
и трясет слегка их,  
будто их за корни  
держит Ванька-Каин.

Вот тебе и оттепель —  
серенькая роза,  
вот теперь-то, вот теперь  
время для мороза.

## ЛЮБОВЬ И ГОЛУБИ

Обрастай, дурак, щетиной же-л-той,  
голубей води на поводке,  
ляг на простыню костяшкой молотой  
и кино смотри на потолке  
о свинье, дурак, щетинке золотой,  
и про голубей наискосок,  
уносящих тя с Венеркой молодой, —  
был бы потолочек-потолок.

## МАРЬ ИВАННА

*Немец обезьянку выдумал,  
говорящую с тобой,  
в голове сенильной выдул  
шарик синий, голубой.*

Пусть повертится, поверится,  
пощекочет вещество,  
отразится в луже сердца  
и напьется из него,  
замутится и затянется  
углекислой пеленой,  
оборвется с нитки танца,  
красной ниточки двойной.

56

И тогда билетик выудит  
обезьянка для тебя  
и прочтет его. И выйдет:  
бу-бу-бу и бя-бя-бя.

ОХТА И ДР.

Вращается на углу,  
вращается на углях  
по каменному столу  
юла о шести углах,  
двенадцать ребер ее  
и восемь ее основ  
(и каждая — лезвиё,  
косящее из углов).

По каменному столу  
Витрувия стрекоза  
ползет, пока на углу  
не скосит ветер глаза.

## БУКИ-БУКАШКИ...

Ступеньки воздуха скрипят,  
смотри, не разбуди  
тех, что внутри ступеньки спят,  
внутри сухой груди,  
внутри скрипучего гробка,  
коробки звуковой,  
на дне пустого коробка —  
коровкой роковой,  
а то еще как поползут,  
кто с рогом, кто с хвостом,  
и привезут под горло зуд,  
зобок набьют битком  
и там набухнут, а потом  
из горла — на язык,  
и скажешь ты с набитым ртом:  
чирик, чирик, чирик.

## ВДОЛЬ И ПОПЕРЕК

Свет, смотрящий вдоль ребра,  
тот же или нет,  
что и поперек ребра —  
слушающий свет?

Тот же, тот же: сохл и сух,  
сер и сед герой...  
Только первый слеп и глух,  
глух и слеп второй.

## МОЛЧОК

Тихая затрещина,  
темный разговор,  
радость не обещана  
с некоторых пор.

(Если это кончится  
раз и навсегда,  
ничего не кончится  
раз и навсегда,  
просто на затылочек  
ляжет холодок,  
будто погасила чек  
тишина. Молчок.)

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ  
НОВЫЙ ГОД В ГЕТТО  
(2006-2007)



## НОВЫЙ ГОД В ГЕТТО

Ф. и Д.

*«Новый год в гетто» — это смелая шутка.  
С другой стороны, никаких других Новых годов  
и не бывает.*

(Из письма читателя)

### 1. (Валеология)

И про *это*, и про *то*,  
и про *Ту*, и про *Другую*  
(что не выиграешь в лото —  
спросишь рыбку золотую).

Только так тебе она  
и дала... Все шито-крыто:  
и разбитое корыто,  
и соленая волна.

Что ты хочешь? Нет и нет.  
И не будем напрягаться.  
Это как про «целоваться».  
Третий лишний. Я. Куплет.

### 2. (Осмос)

Тут все дело в растворе,  
а не в размере лужи,  
рифма-то «море-горе»,  
ты на рыбок смотри:  
чем солоней снаружи,  
тем легче дышать внутри.

### 3. (Кто?)

Какой-нибудь аноним  
(поди, уследи за ним),  
какой-нибудь эминем  
(любитель увечных тем),  
какой-нибудь гог-магог  
(при помощи рук и ног),  
какой-нибудь педагог  
(чекмарящий между строк).  
Из всех этих ближних луз  
эминем — лучшая: *lose  
yourself in the music*  
каких-нибудь «Муз и К».

64

### 4. (Кость «луз»)

— Когда отряхнетя последний твой груз,  
останется косточка «луз».

И будет она холодна-холодна,  
и в разной земле не видна.

И будет на стреме она числовом  
в обратном глазке нулевом.

И будет она, как миндаль вдалеке,  
зажатый в большом кулаке.

И будет в ней только одно и одно,  
одно, и одно, и одно.

И будет в ней пальцами щелкать вода,  
качаясь оттуда сюда.

И будет по *темени* каплей стучать  
опять, и опять, и опять.

И будет над каплей висеть мотылек,  
в нее запустив хоботок.

А после, когда разожмется кулак,  
число поменяет свой знак

и втянет тебя сквозь обратный глазок  
обратно в *творожный тревог*,

И луз в нем распустится, в нем пропадет  
и грузом нетяжким взойдет.

— ?

65

— Да так вот, на всякий, скорей не тебе,  
А ей, мотыльку и себе.

##### 5. (Военная подготовка)

И вот тут бы, конечно, анапестом —  
тьень-тьень-тьень, тень-тьень-тьень, тень-тьень-тьень —  
отстреляться по воздуху начисто  
и не бегать смотреть на мишень.

Видит... ох, не умней, не заумничай,  
не заимствуй и не понимай,  
только пульку из дактиля улички  
легким сердцем обратно поймай.

6. (Приданое)

*Man gab zum schönsten Angebinde  
Den Kindern diesen Glauben mit.*

Novalis

И что я тебе с собой  
дам? Барабан с трубой?

Пару хороших слов  
для полоскания ртов?

Может, еще флажок,  
чтоб веселить ветерок?

.....

Мало ли, что хотел!  
Может, смел, да не съел!

66

7. (Дом жизни)

*But lo!*

D. G. Rossetti

В Доме жизни этом  
не жаль только стен,  
и куда тут со светом —  
некуда деть и тень.

В Доме жизни этом  
не крикнешь *but lo!*  
А крикнешь — ответом  
будет: базло!

8. (Дом жизни, II)

Может, пора  
немного напалма с утра,  
и не будет метафор,  
и будет опять один автор?

Может, опять  
в полезный асфальт закатать,  
учинить катаклизм  
и лечить ревматизм?

9. (Орнитология)

Как между волком и собакой,  
я между птичкой и манком  
в орнитологии двойкой  
сiju на веточке бочком

67

и шуюсь на такие ноны,  
даю такого, блин, скворца,  
что матерят меня вороны  
в лицо от птичьего лица.

А ты смотри, как я качаюсь  
на этой веточке пока  
и все лажаюсь и лажаюсь,  
смотри и не бросай манка!

10. (Орнитология, II)

Свиристели в черных масках  
драли «Рябиновую»,  
зарябило в черных глазках  
зарю бензиновую.

И по воздуху шатаюсь,  
из него выпали,  
под заборами валяясь,  
лишнего выпили.

Вот бы так и времирям бы  
хватить бы лишечку,  
чтобы воздуху и нам бы  
дать передышечку.

11. (На коленках)

*В ямку бух!*

68

«Зачем?» уже проехали  
с орехами, с орехами,  
проехали «кому?»,  
с прорехами в уму.

И на базар в печали  
приедем с калачами,  
засохшими давно,  
а там уже темно.

Но приоткрыта лавочка,  
стоит он у прилавочка:  
«Натурой не берем,  
тем более — старьем!»

И мы с тобой на дрожке  
по ровненькой дорожке,  
по кровненькой дорожке  
в ямку бух!

12. (Новый год в гетто.  
Краков, Казимеж)

Это? Это  
Новый год в гетто,  
вольных мест нема.

Над Мёдовой  
месяц людовый,  
а на Чемной тьма.

По Широкой  
тенью широкой  
тянется клипа.

Шаг налево.  
Или направо?  
Улица Купа.

69

В «Ариеле»  
пляшут евреи  
маленький канкан.

Каждый в меру  
себе Просперо,  
в меру Калибан.

На Эстеры  
*пукают* двери,  
выпуская газ.

Счастье — это  
Новый год в гетто.  
Может, и для нас.

Пан Твардовский  
на тверди польской  
в петельке висит.

Снега семя,  
светлое племя,  
из него летит.

13. (Каникулы)

Скоро кончится это терпение  
и короткие крови тычки,  
*т'ерьь* сотрется, останется *пение*  
понятно чего, и чего — клочки.

70

Скоро кончится это щажение  
серомышки в стакане тоски,  
*ща* сотрется, останется *жжение*  
понятно чего, и чего — клочки.

Скоро кончится это кормление  
терпентином с огромной руки,  
*корь* сотрется, останется *мление*  
понятно чего, и чего — клочки.

## МУСА

Д.

*Ну вот, опозорил меня перед всем сообществом  
(Из отзыва читателя)*

*К безднам им воскликну я  
Баратынский*

1.

Есть, есть и у меня  
чем к безднам,  
раз выдали огня  
в обрез нам.

За малым так и так,  
раз мало,  
раз тики-тики-так, —  
тут стало.

Один ответ — S/Z  
(знак вкуса?..),  
конечно, Музы нет,  
есть Муса.

2. (Из Катуллы)

В нагло-русский словарь посмотри,  
как там сердцу неклево внутри  
между Рожицей и Требухой  
на какой-то латыни бухой,  
и оно там на сердце твоём  
полкиловым сидит воробьем,  
зерна воздуха часто клюет  
и сипит: чет-нечет, чет-нечет...

3.

— Женский рот  
единственного числа,  
поворот  
винта, взмах весла,  
у кого  
хватит сил — руки.  
— И чего?  
— Дальше — плавники.

4.

*В. и Т.*

72

Чайка раскрывается тузом  
где-то между верхом и низом,  
а внизу веревочка-волна  
вьется на ветру, и не одна,  
хоть у нас все ♥ на руках,  
все равно мы будем в дураках,  
лучше мы свалюем дурака,  
сбросим их на спину ветерка...  
Спинкой повернется чайка к нам,  
а лицом к веревочкам-волнам.

5.

Всё короче письма с позиций  
и солдаты всё неизвестней.  
Что там хайку, что танки —  
всё хаки, всё танки!  
Мысль о пении птицы  
сама становится песней,

по словам писателя Хандке.  
Это всё похоронки,  
но погибшим не числи.  
Птица при этой мысли  
поет и со дна воронки.

6.

Там? А как медом намазано.  
Дом, как сказано, новый.  
Что еще? Арфы. Но я, как сказано,  
арфист довольно хреновый.

А тут прокатит, ну, понимаешь,  
нету на нас закона,  
сам поджигаешь, сам зажигаешь,  
вроде Нерона.

Но час неровен (вот и серьезно),  
час-через-пень-колоду,  
как ни прижмись, а оно *всё* розно,  
кроме арфы и меду.

7.

Не выговоришь — пере-бодр-ство-вать!  
Не проще ли пере-спать?  
Не то чтоб в плоскости упорствовать,  
а так, в наклонной на кровать.

И все острее угол втачивать  
в лён, что пока неделён,  
и карандашик не отачивать,  
пока не затупится он.

8.

Старость — брр-рр —  
в глубине квартир,  
кривизне углов,  
плоскости столов,  
рамке пустоты.  
Может, это ты,  
может, это я  
там стою стоймя,  
там лежу лежмя,  
там сажу, бубня.

9.

*Жизнь, говоришь,  
филем, пелемени...*  
Остаются лишь  
звуков тени,  
остается лишь  
подтасовка,  
Аполлона мышь,  
огласовка.

10.

Ну куда нам Каллиопа  
(не сравнится с пальцем попа),  
плод лексического сдвига,  
наша Муса — Каллипига!

ТЮ-ТЮ

1.

— Где его взять? Наскрести по сусекам?  
Вывернуть старых мешков уголки?  
Мышь раскулачить и дать *вадемекам*  
белого хлеба из черной муки?

— Нет ни мышей, ни мешков, ни сусеков,  
от вадемеков — ни меков, ни беков,  
вот и глотай в сухомятку куски  
черного хлеба из белой муки.

2.

75

*Стоит дуб, на дубе клуб,  
на клубе семь дыр*

И дуб не дуб,  
и клуб не клуб,  
и дыры все навывлет.

И каждый день  
тень-тень-тень-тень  
их пилит, пилит, пилит.

Пили, пили  
свои нули,  
пока такое дело,

чтоб все сошлось  
на эту ось  
и все насквозь свистело.

Свистулька — фьють,  
фистулька — чуть,  
ну, извините, проба...

Ни дать, ни взять,  
сквозняк опять  
из *ангельского клоба*.

3.

Какого цвета ваш клубок?  
Какая будет вязка?  
Жилетка? Водолазка?  
Спицы? Крючок?

76

А если шерсти впрок,  
не откажусь от шапки.  
Вяжите, дедки-бабки,  
мерзнет внучок.

4.

Д и Н не говори,  
Ч и Б не называй,  
вот тогда и посмотри,  
что там вылезет за край,  
что там вывезет скорей,  
что скорей заговорит,  
прям с порога, у дверей,  
у кого чего болит.

5. (Из Шостаковича)

Сумма не изменилась  
от перемены мест:  
может, и не выдаст,  
если свинья не съест,  
может, и не выдаст,  
а возьмет на зубок,  
а может, и выдаст —  
еврейский вальсок.

6.

Как в последнюю минуту  
оживает маньяк,  
и бегут, как по батуту,  
*tutti quanti* кто — как,  
и берет за жопу *tutti*  
оркестровое дам,  
и от ужаса у пугги  
не виден срам,

77

так и мне бы *tutti frutti*  
в этом диком саду,  
чьи хро(а)нические прутья,  
будто шило в заду,  
перепробовать бы сразу,  
как мальчишки — дичок,  
рёзань эту, и заразу,  
и кислячок!

7.

Ну, это очень тихо,  
хоть и рот до ушей,  
такое «хи-хи» психа,  
хоть и завязочки пришей.

Тихий такой покер  
при джокерном лице.  
Будь спок. Джокер  
выпадет в конце.

И вот тогда без пуха  
и без пера полетишь,  
ну, в смысле, — *псюха*,  
летучая мышь.

78

8.

И была ли там юность прекрасная,  
бывала ли,  
что осталось одно лишь неясное:  
«мало ли»?

И была ли та юность оставлена,  
убога ли,  
что осталось одно не объявлено:  
«много ли»?

9.

Всё по форме: как французы,  
не теряя головы,  
на правах гражданской музыки  
обращаюсь к Вам на «Вы».

Но отпрыгнув рикошетом  
от разумной высоты,  
возвращается ответом:  
ву-ву-ву, тю-тю, ты-ты.

10.

Ну почему бы и не под этими  
ветками янтарными сейчас  
и не быть нам сам-третьими,  
раз это *про нас?*

79

Вот и я подошел отсюда,  
вот и ты — из темноты,  
вот и ты подошел оттуда,  
вот и мы — из тьмы.

## АЗБУКА ЧЕРВЯКОВ

— Червяки хорошие. Очень мрачные.  
— Это похоже на разговор двух рыбаков.  
Червяков-то накопал? Покажи. Хорошие.  
Очень мрачные.

(Из разговора с читателем)

1.

В черном теле, в черном теле  
земляной реки,  
еле-еле в черном теле  
реют червяки,

как флажки на мачтах реют  
в розовой заре,  
как тире и точки реют,  
точки и тире.

Нету света, нету света  
розовой зари.  
Чья-то альфа, чья-то бета —  
газа пузыри.

Альфа Девы, бета Лиры  
(Спика, Шелиак).  
В черном теле — дыры, дыры,  
в каждой жив червяк.

От евоной закорючки,  
буковки его,  
электричества колючки  
колют вещество.

И фонарщиком висит он  
высоко внизу,  
и просеивает ситом  
синюю слезу.

Кто заплачет, не заплачет —  
каждому туда,  
где концы речевок прячет  
общая вода.

Что прочтется, не прочтется —  
каждый знаменит,  
остается, остается  
алфавит.

2.

81

«Где» не будь, «когда» не будь —  
пишется, как слышится,  
как подергивает чуть  
боевая мышца.

«Где» не будь, «когда» не будь —  
слышится, как силится,  
как подергивает чуть  
боевая жилица.

3.

— Что вы ели ночь и день?  
— Ели солнце, ели тень.

— Что вы ели день и ночь?  
— Ели сына, ели дочь.

(Съели даже Ирода —  
ничего, не вырвало.)

— Что вы ели день и год?  
— Ели голос, ели рот.

— Что вы ели год и век?  
— Ели сорок человек.

(Съели даже Ирода —  
ничего, не вырвало.)

— Что еще не ели вы?  
— Щёчек-ямочек листвы,

кудряшек вечерка,  
потеряшек ветерка,

точек-черточек твоих,  
чертострелочек двойных,

чернопяточек босых,  
частоперышек косых...

4.

На ветке, как на турнике,  
качается без рук,  
без рук, без ног, на ветерке —  
пурпурный чингачгук.

Висит малиновый червяк  
на ветке вечерком,  
а хвост его шуршит в кустах  
шарлаховым чулком...

(Баллада эта ни к чему,  
но что за хрень там, не пойму?  
Наверно, просто шарики,  
бумажные фонарики.)

5.

Где-то слева, где-то слева  
неумышленная крева  
запекается.

Где-то справа, где-то справа  
релевантная халява  
намечается.

Только ветра — ниоткуда.  
Никакого, что ли, чуда  
не предвидится?

83

Кто из племени духов-то?..  
Ну, тогда всего делов-то —  
не обидеться.

Дух проходит надо мною  
самой тесанной, ночью,  
самой тесною,

самой честной половицей,  
и скрипит она скрипицей  
неизвестною.

Хоть и слышно, а не видно.  
Так зато и не обидно  
за бемолию

в этой шерсти, дыбом вставшей,  
шевелиться недоспавшей  
черной молию.

б.

В кармане Святогора — лес  
и камни — крошки хлеба,  
и неба маленький отрез,  
а больше и не треба,  
чтоб вытереть себе глаза  
от ветра небольшого  
и снова зырить, зырить за,  
и утираться снова.

КВА?

*Elle est retrouvée.*

*Quoi? L'éternité.*

Rimbaud

\*

Вот и «вечность», вот и «ква».  
И чего там? Ничего там,  
и чему ни скажешь «хва!»,  
знай, болтайся по болотам  
за стрелóчкой золотой  
в лапке-цапке хладнокровной  
(скорей всего, пустой),  
баснословной и дословной.

85

\*

Посмотри да посмотри!  
Снизу вверх, на приглашенье  
отвечая, повтори,  
как немедленное чтение:  
это, это, это вот, —  
ничего не называя,  
зная наперечет  
и по буквам забывая.

\*

Это — про, и это — за,  
но не больше полстраницы,  
это — где-то стрекоза,  
та, большущая, с косицей,  
с той закладочкой-косой  
на последнем развороте,  
красной, грязной, косой,  
растрепавшейся в полете.

\*

Ну какие там «пути»?!  
Никакие, ни-ка-ки-е,  
ни проехать, ни пройти,  
всё растяжки ветровые.  
Только с пяточки шагнешь,  
рядом сразу — переглядки:  
«Спятил что ли? Хоро-о-ш!  
кто же тут ступает с пятки!»

\*

Горлиц шейные шнурки,  
розовые разговоры...  
Вот, наверное, — «деньки»...  
Выгоревшие проборы...  
Вот и (бы) выгорело нам  
до костей, до ключев кожи, —  
прах — на пух, шум — на гам  
и ботинки — на поножи.

\*

Хлоп — и сложены давно  
бабочкины маслобойки,  
и цветно у нас темно  
в тонком воздухе прослойки.  
Кто там глубже ни вздохнет,  
все чешуйки перепишет, —  
останется лишь тот,  
кто последних передышит.

\*

Как в ушах еще темно!  
Только звезды пузырьками  
воздуха (как солоно!)  
поднимаются над нами.

И лежим. Из глубины  
всеми звездами броженья  
ныряльщикам видны  
их глухие отраженья.

\*

Нет ее ни «под», ни «над».  
Может, — кроме? Может, — кроме?  
Нет и кроме, говорят...  
Ни в трехдневной нет соломе,  
ни в трехночном нет сенце,  
ни в трехчастной нет сонате,  
ни в третьем нет лице.  
Только в первом. Вот те нате...

\*

Ты-то здесь еще причем?  
Часто-редко дышит ветка,  
дышит худеньким плечом...  
Нимфа? Ишь чего... — нимфетка.  
Все, стоящие в кружок,  
меж собой пересчитались  
и дышать остались,  
вышел только ты, дружок.

\*

Это дело ваших рук,  
а не наше, а не наше.  
Видим — виды, слышим — звук,  
тонем в этой манне-каше  
для того, чтоб, в свой черед,  
вас как будто бы спасая,  
с вами дышать рот в рот,  
глаз уже не открывая.

ТЧК

Недослышки,  
недопонятки,  
кошки-мышки,  
пятнашки-прятки  
дотемна, дотемна.

Переключки,  
ау, считалки,  
единички,  
галочки-галки,  
там — одна, тут — одна.

88

Под хламидки свои  
монадки  
хватать пожитки,  
шмотки-манатки,  
и — домой, и — домой,

чтоб не стало  
слышнее малость,  
чтобы мало  
не показалось  
ни одной, ни одной.

А не то —  
ни дна, ни покрышки,  
решето,  
квадратики-вспышки  
в тишине, в тишине.

А не то —  
закричат галчата:  
«Ты-то кто?  
Ты-то чья? Ты чья, а?» —  
вслух во сне.

И проснутся,  
братики-слётки,  
возле блюдца  
водички-водки  
и возлюбят сестру.

А сестрички-то нет,  
и точка,  
только — точка  
(на то и ночка)  
на ветру, на ветру.

Кто поставил,  
тот и дослышит,  
этих правил  
никто не пишет:  
ни к чему, ни к чему.

89

Расцветут  
и без них цветочки  
там и тут  
из дырочки-точки,  
все, один к одному,

одного и того же  
цвета,  
там ведь тоже  
давно не лето.  
А пока, а пока,

не успев закричать,  
галчата  
засыпают опять,  
шепча так:  
«Тчк, тчк».



*Соли нет и слова нет*

ради смеха  
ряшка прореха  
ради ха-ха  
потроха

во садочке  
смеха кружочки  
это мы там  
по кустам

мы смешочки  
только цветочки  
ягодка он  
а смешон

нету мясу  
от роду часу  
есть в мясе рот  
и орет

букву-клюкву  
красную букву  
с красной строки  
у реки

брешет брешет  
репу не чешет  
хватит на всех  
смех и грех

балабола  
тварь без глагола  
ты среди куш  
только «сущ.»

повар повар  
варишь свой говор  
варишь обед  
соли нет

мы солинки  
света соринки  
на языке  
и в зобке

мы икринки  
страшной сардинки  
за щеку нас  
про запас

всей оравой  
будем приправой  
будет обед  
слаще нет

с нами брашно  
будет нестрашно  
будет калач  
не палач

будут крошки  
после из плошки  
птички клевать  
и сиять

## СОДЕРЖАНИЕ

Олег Юрьев. Предисловие . . . . . 7

### часть первая СТИХИ НА ВРЕМЯ 2008

#### ЯНВАРЬ

1. «*Предполагаем жи...*» . . . . . 13
2. «*Ни дня тебе, ни по крошке...*» . . . . . 14

#### ФЕВРАЛЬ

1. «*Нас тут много таких на полу...*» . . . . . 15
2. «*Это вкривь и это вкось...*» . . . . . 16

#### МАРТ

1. «*Так женственны (-анна и -енна)...*» . . . . . 17
2. «*И где напасешься на эту траву...*» . . . . . 18
3. «*Как в залитых зенках алкоголика...*» . . . . . 19

#### АПРЕЛЬ

1. «*С большими говорить...*» . . . . . 20
2. «*Оставь-на... всяк, оставь на всяк...*» . . . . . 21

#### МАЙ

1. «*Где найдешь...*» . . . . . 22
2. «*Сопротивленья этого...*» . . . . . 23
3. «*Однозвучной жизни шум...*» . . . . . 24

#### ИЮНЬ

1. «*За ушко да...*» . . . . . 25
2. «*Да видно ж нельзя пока...*» . . . . . 26
3. «*Эти чешуйки одна за другой...*» . . . . . 27
4. «*В доли не додали...*» . . . . . 28
5. «*Кровь идет, а день стоит...*» . . . . . 29

#### ИЮЛЬ

1. «*Что там ласточки всё развешивают?..*» . . . . . 30
2. «*На подпорочках, как помидорки...*» . . . . . 31
3. «*На всякую память...*» . . . . . 32

АВГУСТ

1. «Опять бросаешь ветер на слова...» . . . . . 33
2. «Слов словесных...» . . . . . 34
3. «И от погибели не бойся...» . . . . . 35
4. «Выключи свет за веревочку...» . . . . . 36

СЕНТЯБРЬ

1. «Ни жив, ни мертв кот Шрёдингера...» . . . . . 37
2. «Хоть говорящему еще...» . . . . . 38
3. «Кто бы говорил...» . . . . . 39
4. «летасты мои летасты...» . . . . . 40
5. «В каком-то прямом наклоненьи...» . . . . . 41

ОКТЯБРЬ

1. «Нежная корпия эта...» . . . . . 42
2. «Рядом, рядом, в тесноте...» . . . . . 43
3. «Тряпканы сыроватые...» . . . . . 44

НОЯБРЬ

1. «Под сплошным серым небом...» . . . . . 45
2. «Вот она стоит...» . . . . . 46
3. «Ничего за этим „ду“...» . . . . . 47
4. «Парáрам вдруг парáм...» . . . . . 48

ДЕКАБРЬ

1. «Мартобрятские песни трубач...» . . . . . 49
2. «Тут тебе камушек...» . . . . . 50

часть вторая  
МАЛЕНЬКИЙ САДИК  
2009

- БОЛЕЗНЬ И СМЕРТЬ КУКЛЫ . . . . . 53
- МАЛЕНЬКИЙ САДИК . . . . . 54
- ЛЮБОВЬ И ГОЛУБИ . . . . . 55
- МАРЬ ИВАННА . . . . . 56
- ОХТА И ДР. . . . . 57
- БУКИ-БУКАШКИ... . . . . 58
- ВДОЛЬ И ПОПЕРЕК . . . . . 59
- МОЛЧОК . . . . . 60

часть третья  
НОВЫЙ ГОД В ГЕТТО  
2006—2007

НОВЫЙ ГОД В ГЕТТО

1. «И про *это*, и про *то...*» . . . . . 63
2. «Тут все дело в растворе...» . . . . . 63
3. «Какой-нибудь аноним...» . . . . . 64
4. «— Когда отряхнетя последний твой груз...» . . . . . 64
5. «И вот тут бы, конечно, анапестом...» . . . . . 65
6. «И что я тебе с собой...» . . . . . 66
7. «В Доме жизни этом...» . . . . . 66
8. «Может, пора...». . . . . 67
9. «Как между волком и собакой...» . . . . . 67
10. «Свиристели в черных масках...» . . . . . 67
11. «„Зачем?“ уже проехали...» . . . . . 68
12. «Это? Это...» . . . . . 69
13. «Скоро кончится это терпение...» . . . . . 70

МУСА

1. «Есть, есть и у меня...». . . . . 71
2. «В нагло-русский словарь посмотри...» . . . . . 71
3. «— Женский рот...». . . . . 72
4. «Чайка раскрывается тузом...» . . . . . 72
5. «Всё короче письма с позиций...» . . . . . 72
6. «Там? А как медом намазано...» . . . . . 73
7. «Не выговоришь — пере-бодр-ство-вать!..» . . . . . 73
8. «Старость — брр-рр...». . . . . 74
9. «Жизнь, говоришь...» . . . . . 74
10. «Ну куда нам Каллиопа...» . . . . . 74

ТЮ-ТЮ

1. «— Где его взять? Наскрести по сусекам?..» . . . . . 75
2. «И дуб не дуб...». . . . . 75
3. «Какого цвета ваш клубок?..» . . . . . 76
4. «Д и Н не говори...». . . . . 76
5. «Сумма не изменилась...». . . . . 77
6. «Как в последнюю минуту...» . . . . . 77

|   |      |
|---|------|
| 7. «Ну, это очень тихо...» . . . . .              | . 78 |
| 8. «И была ли там юность прекрасная...» . . . . . | . 78 |
| 9. «Всё по форме: как французы...» . . . . .      | . 79 |
| 10. «Ну почему бы и не под этими...» . . . . .    | . 79 |

## АЗБУКА ЧЕРВЯКОВ

|  |      |
|--|------|
| 1. «В черном теле, в черном теле...» . . . . .   | . 80 |
| 2. «„Где“ не будь, „когда“ не будь...» . . . . . | . 81 |
| 3. «— Что вы ели ночь и день?..» . . . . .       | . 81 |
| 4. «На ветке, как на турнике...» . . . . .       | . 82 |
| 5. «Где-то слева, где-то слева...» . . . . .     | . 83 |
| 6. «В кармане Святогора — лес...» . . . . .      | . 84 |

|                |      |
|----------------|------|
| КВА? . . . . . | . 85 |
|----------------|------|

|               |      |
|---------------|------|
| ТЧК . . . . . | . 88 |
|---------------|------|

|             |      |
|-------------|------|
| ☺ . . . . . | . 90 |
|-------------|------|

**Игорь Булатовский**  
**СТИХИ НА ВРЕМЯ**  
КНИГА СТИХОТВОРЕНИЙ

Поэтическая серия «Русского Гулливера»

*Руководитель проекта*  
Вадим Месяц  
*Главный редактор серии*  
Андрей Тавров

«Русский Гулливер»  
тел. +7 495 159-00-59  
[www.gulliverus.ru](http://www.gulliverus.ru)  
e-mail: [a\\_tavrov@mtu-net.ru](mailto:a_tavrov@mtu-net.ru)

Подписано к печати 14.05.2009. Формат 140×200.  
Бумага офсетная. Гарнитура Newton.  
Печать офсетная. Тираж 300 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета  
в типографии «Сегу Пи»  
112114, г. Москва, 2-й Кожевниковский пер., 12